

Зрение у оленей слабое, лодку они замечают поздно, когда до встречи остаются секунды.

**Эдгар Дубровский,
сценарий кинофильма
«Запасной аэродром»**

С малого детства Ромка Шустов страдал плохим зрением. Заметили это в первом классе. Ромка сидел на последней парте и через месяц обучения пожаловался родителям, что не видит, что там на доске пишет мелом учительница. Ромку отвели к офтальмологу, тот глянул и как приговор прочитал: «Минус три. Плохо дело в таком возрасте».

Родители в ужасе стали кормить Ромку витаминами, морковкой, черникой и всем прочим, что должно было в их понимании срочно восстановить зрение, но всё шло в обратную сторону. К пятому классу зрение опустилось до минус пять, к девятому – до минус семь, а к выпускному – до минус восемь...

Минус восемь – это такое зрение, когда человек снимает очки, а в глазах фактически один большой мутный туман, сквозь который проглядываются очертания близлежащих предметов. Без очков быстро начинает кружиться голова. Предметы какие-то границы имеют, но всё, что

дальше метра, похоже на размытые пятна. Причём пятна эти могут теряться и размываться полностью, если контрастность их небольшая и от общей картины местности плохо отличаются.

В восемнадцать лет, когда всех друзей забрали в армию, а Ромку не забрали никуда, когда все друзья завистливо хлопали его по плечу и напутствовали: «Ну ты давай тут... за всех нас...», Ромка впервые в жизни почувствовал, что его слабое зрение как-то влияет на его жизнь. Во-первых, в армию не годен, во-вторых, работать тоже может не везде, есть медицинские ограничения, в-третьих, что делать дальше, если зрение начнёт «садиться» ещё ниже?

В институт Ромка экзамены сдал, но пройти не смог по конкурсу, мало было баллов. Если бы он выбрал себе институт нормальный, а не факультет кинодраматургии московского ВГИКа, то вполне бы мог устроиться студентом лет на пять. Он вернулся в родной Северск, в своё Заполярье, в тундру, посидел до осени дома на родительских харчах, после чего пошёл искать работу. Работы он не нашёл. Грузчиком идти было нельзя по зрению, главным инженером никто не взял.

Когда пришёл конец августа, Ромка, перечитавший за последние годы всего Джека Лондона, вступил в местный охотсоюз, получил сразу два

охотбилета (как от Министерства природных ресурсов, так и от местного охотбщества), весь август исправно посещал занятия в местной полиции по правилам обращения с охотничьим оружием, после чего в начале сентября получил разрешение и на родительские деньги приобрёл себе прекрасный бокфлинт (вертикально спаренные стволы) ТОЗ-34. Всю осень Ромка проохотился на уток и куропаток. Охотился плохо, больше просто бродил по тундре. Зато впечатлений набралось масса, сюжетов для конкурсного рассказа во ВГИК было теперь предостаточно.

Подошла зима. Как всегда в Заполярье – внезапно, быстро и неотвратимо. День уменьшился к декабрю до полутора часов, остальные двадцать два с половиной часа в тундре стояла ночь.

Работы Ромка себе так и не нашёл. Бездельничал под присмотром родителей. На охоту ходил чуть ли не каждый день, с охоты приходил усталый, на вопрос родителей: «Что убил?» – отвечал коротко и уверенно: «Ноги». Правда, куропатки тоже встречались и нередко были на столе семьи.

Однажды Ромка в магазине охотсоюза увидел небольшие капканы, поинтересовался у продавщицы:

– На кого?

– На песца, – ответила та безразлично.

У Ромки загорелись глаза. Песца он видел в тундре однажды, совсем недавно, так близко, что даже опешил. Присел отдохнуть в ложбине, где была вереница высоких кустов, в которых обычно кормились куропатки, и краем глаза заметил какую-то движущуюся фигурку... Вначале подумал: «Собака?». Песец просто пробежал мимо, по Ромкиной лыжне, только один раз глянув на человека безразличными глазами. Ромка уже слишком поздно стал палить из обоих стволов по зверю – песец ушёл. Ушёл ровно, спокойно, лишь чуть-чуть скорости прибавив.

Ромка приобрёл капкан, на следующий день поставил его там, где песца увидел, и, даже не поискав в этот раз куропаток по кустам, ушёл домой. Теперь оставалось ждать. Что он будет делать с песцом, когда поймает его в капкан, Ромка пока не знал. Может, прихватит за задние ноги и треснет башкой о... обо что? О снег? Тогда просто пристрелит зверя в капкане. Метров с десяти, чтобы наверняка. Потом он снимет шкуру так, как много раз уже читал в книгах и справочниках. Шкуру с песца снимают «чулком», надрезая для

этого вначале кожу убитому животному в районе челюстей, потом выворачивают шкуру наизнанку... потом откусывают аккуратно коготочки на лапах – и так до самого хвоста. Куда он денет эту шкуру? Матери отдаст. Пусть сошьёт себе шапку. Правда, у матери этих шапок... Ждал Ромка своего зверя всего один день, точнее ночь. Следующим утром, ещё затемно, вышел в тундру.

К двадцатым числам декабря по «московскому» светает за полярным кругом в десять, темнеет в двенадцать тридцать, сам день, собственно, занимает сорок минут. День стоял тихий, облачный, небо и заснеженная тундра сливались у горизонта в один белый туман.

Ромка вышел за город, прошёл с пару часов в открытую тундру и, мельком просмотрев, не кормятся ли здесь куропатки, вышел туда, где поставил капкан. Место было довольно ровное, немного в низине. Такие среди охотников назывались «балки». Ромка оглянулся – пусто. Снег, снег, снег. Уже рассвело, был одиннадцатый час, солнце шло где-то за непроницаемыми тучами – очевидно, находилось в зените. Это где-то внизу, «под землёй», за линией горизонта. Солнце за полярным кругом зимой не выходит на небо, лучи его лишь отражаются от небесного свода. Это и есть день.

Капкан стоял на месте, вокруг было чисто. Ни один зверь даже не подошёл близко. Ромка аккуратно проверил мелкую цепочку, за которую капкан был привязан к метровому штырю, вбитому в снег, убрал зачем-то кусочки сырой оленины, что положил сюда вчера для приманки, достал нового мяса, разбросал вокруг... Хотел уйти, но внезапно в голову пришло: «А если капкан под снегом захлопнулся и сейчас находится в неактивном состоянии, тогда что?..» Ромка понимал, что сам капкан вряд ли может сработать, но вдруг?.. Чего, спрашивается, ждать зверя, когда орудие лова не работает?

Осторожно разворошив снег сбоку, он вытащил капкан наружу: кусочек мяса лежал на железном «пяточке» и примёрз к нему намертво. За три с лишним часа ходьбы Ромка изрядно пропотел в своей тёплой брезентовой куртке, очки сегодня он в спешке не сменил и вышел в тундру в домашних, а они были лёгкие, держались на носу плохо, скользили постоянно вниз.

Осмотрев капкан, он вытащил нож, решив проверить – не подмёрзло ли устройство? Мало ли? Ромка ножом ткнул в приманку, капкан мгно-

венно хлопнул челюстями и зажал нож мёртвой хваткой. Ромка расправил его обратно, положил ещё один кусочек мяса на «пяточок», бережно поставил капкан в углубление в снегу, легко рукой стал присыпать свою ловушку снегом. В голове промелькнуло: «А устройство-то зверское, мучиться зверь будет... метаться...» Едва эта мысль посетила впервые его голову, как оправа очков вновь скользнула вниз по носу, Ромка не успел её поправить... Очки слетели с лица, перевернулись заушниками вниз и упали ровно на «пяточок» капкана... Ловушка сработала быстро, хватко и чётко – челюсти с металлическим лязгом щёлкнули, во все стороны полетели брызги стекла...

Первое мгновение, когда вместо окружающего пространства появился белый туман, когда вместо капкана на снегу мутно затемнело какое-то пятно, Ромка ничего не понимал. После поднял голову, глянул по сторонам и ничего, кроме тумана, не увидел. Даже кустов, что находились вот здесь, рядом, метрах в трёхстах... «Нет, не здесь – там... Или здесь? Так их нет – ни здесь, ни там... Так. Кусты находились по левую руку – там. Или?.. Или здесь? Может, сходить, глянуть?» – он зажмурил глаза, открыл, вновь зажмурил, опять открыл – картинка не изменилась, вокруг была белая мгла. Ни горизонта, ни кустов, ни даже антенны городской телевышки, что находилась километрах в десяти отсюда и здесь, в низине, была видна даже в пасмурный день из-за тундрового подъёма, – ничего видно не было. Молоко. В один миг Ромка остался слепым. Привычно полез рукой на пояс к сотовому телефону – а нет на поясе сотового телефона, дома оставил, потому как батарейка села ночью, заряжать времени не было. Решил, что и так обойдётся. Да и потом, он никогда ещё не проверял – берёт ли здесь сотовый. Здесь очень глубокая низина, вполне возможно, что и нет.

Ромка разжал почти механически створки капкана, вытащил треснутую в двух местах пластмассовую оправу. Поднёс к глазам почти вплотную – стёкол не было, лишь в одном месте торчал осколок треугольной формы. Ромка повертел оправу в руках, не понимая, что делать. После сунул её в карман куртки, пошарил пальцами по снегу, нашёл ещё один осколок стекла покрупнее, приложил к глазу... Осколок крутанулся в пальцах и уколол его, Ромка рукой тряхнул, на подушечке большого пальца показалась кровь, сам же осколок выпал в снег и тут же ис-

чез. Ромка наклонился вплотную, со стороны было похоже, что он снег нюхал. Руками он осторожно водил по снегу, пытаясь всё же нащупать какой-нибудь кусочек спасительного стекла покрупнее, но осколков покрупнее не было. Челюсти самого хищного и безжалостного орудия лова зверей очень точно поймали Ромкины очки в свою пасть и раздробили стёкла в порошок. Капкан поймал парня сам и безжалостно оставил беспомощного посреди тундры... Город был рядом, километров пятнадцать отсюда. Куда вот идти? Молоко. Солнца нет, ориентиров нет, даже ветра нет, чтобы запомнить хоть примерное направление.

Ромка сел на колени. Тупо, бессмысленно, невидяще смотрел в снег. Мысли вообще отсутствовали. Он впервые за свою короткую жизнь не знал, что сейчас делать. Дома этих очков у него... оправ пять или шесть в запасе валяются... «Дома. Дома. Дома. Здесь-то что делать?» Ромка поднялся на ноги, достал из рюкзака за спиной термос с чаем, выпил пару глотков, спрятал обратно, поправил ружьё на плече, оглянулся вокруг – молоко. Туман. Белая взвесь. Он зажмурил глаза, открыл – ничего. «Зачем жмурился? Глупость какая. Что делать?» И тишина в тундре вдруг стала какая-то неземная, словно вымерло всё рядом. Ни ветерка, ни куропачьего треска, ни клёкота канюка тебе сверху... Ничего нет.

– Домой идём, – сказал он себе так, словно приказал кому-то другому, который уже так испугался, что и двинуться с места сил нет.

Снег заскрипел под лыжами уверенно, как всегда. Снег будто ободрял: не всё так плохо, идти можешь, значит, дойдёшь. Ромка глянул вперёд: «А куда дойдёшь? Так. Стоп! Капкан стоял здесь, за спиной, я пришёл оттуда...» Он перед этим местом пересёк длинную вереницу кустов в распадке, там летом течёт бурный ручей, тальник высокий растёт, до самой весны его не замечает. Он дойдёт до этого тальника и тогда надо будет идти ровно вверх по тундровому подъёму, а когда Ромка выйдет на него, то, вполне возможно, увидит впереди тёмную дымку от городских труб. Но это же с нормальным зрением, это же когда видно всё...

Он шёл словно в пустоте, словно и не шёл вовсе – двигал ногами на одном месте, а тундра под ним крутилась во все стороны – и конца и края ей не было и быть не могло. «Север крайний – он бескрайний...»

82

Через час Ромка понял, что идёт не в ту сторону. Вереницы кустов не появились, тундрового подъёма не было, он шёл по ровной местности. Куда ещё можно было выйти здесь? Если на восток – то на дорогу, ведущую в дальний посёлок... На дорогу – это уже к людям. Там хоть раз в сутки, но пройдёт машина, там... А куда это здесь – на восток?..

Прошло ещё с полчаса, и Ромка заметил, что вокруг начинает очень уверенно смеркаться. День уходил. Снег темнел, вначале стал отдавать лёгкой синевой, потом начал сереть... Ромка инстинктивно ускорил ход. Ноги его суетливо побежали вперёд, словно хотели догнать день... А куда побежали? Ромка остановился. Вокруг уже полная мгла. Пройдёт ещё с полчаса, и снег да небо полностью исчезнут. Останется только тёмный туман вокруг.

На тундру опустилась ночь. Где-то за тяжёлыми тучами явно шла полная яркая луна. Это Ромка понял сразу, потому как даже при самой сильной облачности зимой в тундре полной темноты не бывает. Снег – он как глаза кошки, от него даже свет далёких звёзд отражается.

Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам – четырнадцать часов. Ночь. Тихо. Ни ветра, ни свиста, ни крика, ни голоса, ничего. «Что же делать? Идти ночью? Точнее, в ночи... в темноте полной? Куда?..»

Ромка остановился, сел на снег, снял рюкзак, открыл его и стал смотреть, что там есть и что может сейчас хоть как-то пригодиться. Спички, зажигалка, сухой спирт, тормозок с салом, термос, фляжка с коньяком (брал больше для форса, нежели для дела, никогда на охоте не пил), аптечка... Кстати, есть таблетки с кофеином – говорят, могут выручить, если совсем усталость одолеет. Ромка снял ружьё, переломил стволы, достал патроны с мелкой дробью на куропатку, зарядил картечью... Зачем? Он же не видит перед собой дальше полуметра? Стрелять в кого? В волков? Но здесь волки не ходят, здесь место пустынное, а им же есть надо... «Здесь им зимой есть нечего, здесь нет волков... А кто есть? – липкий страх сковал сознание, Ромка поднялся на ноги, – надо идти. Если так сидеть и ждать неизвестно кого, можно с ума тронуться... Надо идти». Он всё же снял ружьё с предохранителя, повесил его на плечо, стволами вниз, поправил за спиной рюкзак, вытащил фляжку с коньяком, открыл твёрдой рукой, отпил несколько глотков, граммов сто... поморщился, сказал громко:
– Вкусно. Вперёд!

И пошёл вперёд. А может, и назад. Он не знал. Если начнётся тундровый подъём, значит, идёт правильно. А перед подъёмом кусты, длинная вереница, метров на пятьсот. Но ни кустов, ни подъёма не было. Когда он в следующий раз глянул на часы, было уже пятнадцать часов дня в ночи. Темнота сгустилась полностью. Сколько бы он сейчас отдал хоть за какой ориентир! В голове впервые зашевелилась мысль: «Где-то надо ночевать». А где ночевать, если вокруг никакого тебе дерева, куста, бугорка, даже просто кочки, возле которой приткнуться можно да засидку в снегу выкопать?

Ромка снял лыжи, пробил ногами ямку, сел на лыжи, достал из рюкзака сухой спирт. Как обычно, он взял его много, полсотни таблеток. Спирт – груз лёгкий, а в случае чего греет неплохо. Не раз Ромка уже мог убедиться, что одна таблетка вполне может спасти обмороженные руки. Причём греть их получалось на ходу. Поджигашь таблетку спирта, кладёшь её на поддон небольшой алюминиевой печки в виде крошечной «буржуйки» с алюминиевым стаканом внутри для кипячения пол-литра чая и прямо так, с печкой, и идёшь, в руках её держа.

Сейчас Ромка поставил эту печку на снег, в стакан снега засыпал, пару таблеток поджёг и стал смотреть на огонёк за дырочками в лотке печки. Смотреть больше было не на что. Всё остальное меркло в темноте и тумане при отсутствии зрения. Тишина вокруг была мёртвая. Темнота мёртвая, тишина мёртвая... Каждое движение Ромки отдавалось какими-то посторонними звуками извне. Ромка оборачивался, щурился изо всех сил, но ничего не видел. Чай согрелся быстро, он заварил покрепче, решив, что лучше ему не спать, а просто сидеть и ждать рассвета... Сколько ждать? Сейчас уже было шестнадцать часов, светать начнёт в восемь утра... шестнадцать часов ожидания. В полной темноте, в полной слепоте.

«Глупо, конечно, было не взять с собой сотовый телефон. Хоть зарядить полчаса да выключить, а включить, когда уже и в самом деле понадобится. Впрочем, – Ромка здесь серьёзно задумался, – а стал бы я сейчас, к примеру, звонить в службу спасения? Ни за что бы не стал. На смех бы подняли. Пошёл парень снимать капкан, да угодил в него сам! Да как!.. Очки с носа слетели – и ровно вдребезги! Положение и глупое, и нелёгкое, но звонить, просить помощи – ещё глупее. Ночь пересидим,

83

а там посмотрим. Выйдем куда-нибудь». В конце концов, он не в открытой тундре, в трёх километрах из четырёх – или город, или дорога, или посёлок дальний. Самое ближнее – километров десять-пятнадцать будет, это всего-то три часа ходьбы. Хорошо бы ещё знать, в какую сторону?..

В своё время Ромка очень многое прочёл из того же Джека Лондона, о «белом безмолвии». Читалось всегда хорошо, под торшером, в уютном кресле, со стаканом горячего чая рядом, переживалось за героев, представлялось – как бы он?.. А как бы он? Вот он сейчас и-и как бы... Есть у Джека Лондона такой рассказ, когда человек выходит один в маршрут. Минус шестьдесят по Фаренгейту, по Цельсию это где-то пятьдесят два... холодно. И человек этот промочил ноги в ловушке ручья. Хотел костёр разжечь, да не смог, так и замёрз... Мораль такая – не ходи в маршрут в одиночку. Друг бы разжёл ему костёр, и человек остался жив. Конечно, с Ромкиным положением такой случай сравнивать глупо, но всё же – был бы рядом друг, он бы просто вывел его из тундры, из темноты, из слепоты. Но друга не было, все друзья сейчас отдавали свой долг Родине.

Вода закипела быстро. Прямо в колбу Ромка бросил два пакета чая, сахара несколько ложек, достал колбу и, держа её в перчатках, обжигаясь, стал пить. Холодно не было, но Ромка знал по опыту своему небольшому, что человек после ходьбы остывает очень быстро, оглянуться не успеешь. Полчаса посидишь на снегу – и замёрз. Поэтому лишнее тепло лишним не будет.

Через час его пробрал первый озноб. Ромка поднялся на ноги, беспомощно в который раз оглянулся в темноте, надел лыжи и пошёл куда-то вперёд. Правда, он сейчас не знал, где этот перёд, но на всякий случай повернул совершенно в другую сторону. Может, так выйдет на подъём перед городом. Ему лишь бы оказаться наверху, лишь бы выйти из балки. Освещённый огнями город он всё равно увидит, увидит облако туманного света на горизонте... О, боже мой! Сейчас бы свет! А если он даже этот туман не сможет увидеть?.. Страх ударил ещё раз, ударил больно, и Ромка опять ускорил шаг. Он бодро двинулся в обратном направлении, совершенно не предполагая, что два часа назад ушёл от города на несколько километров, а теперь идёт параллельно подъёму и городу за ним, куда-то вглубь тундры, в то самое белое безмол-

вие, где человеку в одиночку очень часто с природой не справиться.

Сколько шёл, Ромка не считал. Просто переставлял лыжи, вначале считал шаги, потом перестал. Потом стал смотреть перед собой в надежде хоть что-то увидеть обнадёживающее.

– Черноты ночи в тундре не бывает, – шептал он себе, – снег отражает всё. Ночи нет как таковой... Если город рядом, то видно всё, что впереди тебя делается, всё на ярком фоне городских огней. Я должен увидеть огни, как только поднимусь на этот подъём. Как только выйду на подъём, я увижу мириады огней, расплывшихся в одно облако, мириады огней... а не эту серую мглу.

Часам к семи вечера Ромка стал уставать. Ноги слегка подрагивали, дыхание хоть и было ровным, но клубы пара вырывались наружу из-под куртки, оседали инеем на ресницах, бровях. Мороз небольшой, градусов до двадцати, ветра почти не было... Ах, если бы был ветер! Ромка тогда, по крайней мере, мог ровно идти в одну и ту же сторону. А так... так он постоянно сбивался и не понимал уже совсем, куда идёт. Он читал, что в джунглях человек может выйти по прямой, только если будет ставить на расстоянии шести и, выравнивая их в линию, так идти... И вообще: надо ли в такой ситуации куда-то идти?

В девять вечера он упал на снег и лежал минут десять не двигаясь, стараясь контролировать себя, чтобы не подмёрзнуть на снегу. Потом вновь сел на лыжи, достал из рюкзака тормозок, съел его за один укус, выпил ровно глоток коньяка и, отломив от шоколадной плитки половину, закусил. Шоколад Ромке всегда давала с собой мать, говоря, что лучших калорий в тундре не найти. Это всегда казалось ему смешным – сладкое на охоту! Но после шоколада он и в самом деле почувствовал себя лучше, бодрее и пошёл веселее... Куда?

Если бы Ромка мог взлететь вверх, как мохноногий канюк, и осмотреться вокруг, то увидел бы, что он благополучно прошёл между далёким уже городом и одинокой шахтой на восточной стороне Северска и вышел в открытую тундру, где впереди нет ничего, кроме заснеженного пространства.

В одиннадцать часов вечера он свалился на снег и лежал так долго, недвижимо, пока тело не стал пробирать озноб. Тогда встал, посмотрел невидящим взором перед собой... внезапно резко повернулся вправо и пошёл совсем в другом

направлении. Хотелось пить, очень сильно хотелось, но пить было нельзя, горячего не было, а от коньяка начиналось лёгкое похмелье. Похмелье сейчас совсем ни к чему.

К полуночи стало казаться, что кто-то идёт рядом с Ромкой и постоянно что-то советует, словно шепчет: «Не туда идёшь... иди обратно... там город, вон там...». Ромка пару раз оборачивался, но никого не видел, от неизвестности у него запульсировало в голове. Голос стал настойчивее, парню даже показалось, что он кого-то увидел рядом... здесь, справа...

Ромка резко повернулся, но никого там не было, тогда он громко сказал в пустоту ночи:

– Хорошо! Я пойду туда!!!

Постоял, посмотрел «туда». Потом резко сбросил рюкзак, достал фляжку с коньяком, потряс перед ухом – там плескалось хорошо. Значит, ещё много, больше половины. Ромка отпил хорошую порцию. Голова сразу просветлела, сам себе сказал:

– Глюки. Держись, ты сильнее.

Голос пропал, рядом шедший невидимый пропал, осталась только ночь, темнота, слепота и снег. «В девять утра начнёт светать, надо продержаться до девяти. Когда рассветёт, легче будет идти, не так страшно. Надо коньяк растянуть на девять часов. Как? По пятьдесят граммов каждые два часа? Может быть.

Где же подъём? Где этот тундровый подъём? Ничего не видно. Темень». Темень даже в сознание пробирается и держит его сознание в страхе.

Отчего-то вспомнился старый фильм о войне с фашизмом, фильм назывался «Операция Хольцауге»? Или нет? Там главный герой на время заболел куриной слепотой, потерял зрение и должен был ещё и вести с собой пленного фашиста... «Ему, наверно, было ещё тяжелее? Что уж тут жаловаться? Иди себе и иди, ты же не ведёшь с собой пленного фашиста. Сколько времени? – Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам, на расстоянии сантиметров десяти (дальше не читалось), глянул, – Ого!.. Час ночи! Час прошёл – не заметил. Куда прошёл? Боже мо-ой... куда же он прошёл?» Нет подъёма тундрового, нет жизни ему, нет ему спасения без этого подъёма. В другой стороне, где стоит далёкая шахта, он и не знает ничего... Впрочем, зачем ему знать? «Выйти бы ровно на шахту... На любую территорию. Сколько раз здесь... или не здесь? Сколько раз ходил, видел всегда вдали вездеходы... даже с охотниками встречался не-

сколько раз... Вот сейчас бы?.. Хотя бы один человек! Одно слово, один жест, рукой махни!..»

В два часа ночи Ромка упал. Даже рюкзак стащить с себя и достать фляжку сил не было. Так он пролежал неизвестно сколько. Замёрз. Глаза закрывались, он смотрел перед собой на рукав куртки и видел, что снег стал припорошивать обшлаг... Ромка дёрнулся с силой вверх, сел на колени – пусто вокруг, темно, слепо. Встряхнулся, глянул на часы, достал фляжку, сделал глоток. В таких ситуациях пить нельзя, он знал, он читал, ему говорили, но он же не пьёт, он только поддерживает себя? Ромка не заметил, как уснул сидя на коленях и повалился лицом в снег. Он ничего не увидел во сне. Кто-то рывкнул рядом: «Ты в тундре!» Ромка очнулся, поднялся, постоял, пошатался, глянул на часы – он спал восемь минут... это много. Пошатываясь, он опять повернул в сторону, уже не соображая, в какую, и пошёл наугад дальше. В этот раз путь его лёг ровно на восток... Если бы Ромка сделал небольшое движение ещё дальше в сторону, то вышел бы ровно на шахту через несколько часов... Но Ромка не сделал этого лишнего движения и пошёл обратно в открытую тундру.

85 Зачем он поставил этот капкан? Он что – траппер? Добытчик пушнины? Он же на охоту ходит не для пропитания, а для удовольствия... Удовольствие убивать птиц и зверей... сомнительное какое-то. Тогда он ходит на охоту, чтобы воспитать себя, знать, что такое оружие. Раз его не берут в армию, он должен сам постичь эту часть мужской жизни... Но зачем? Хорошо хоть никакого зверя ещё не убил, только куропаток стрелял да уток осенью. А как убьёт, так и жалко сразу. Ну да – птичку жалко. Сказать кому – засмеют!

85 Зачем он поставил этот капкан? Получается, себе поставил. Не рой яму другому, даже зверю – всё отыграется. Сколько бы мучился тот же пещец, пока сидел в этом капкане? Изворачивался, кусал бы железо, но уйти не смог бы... Ромка сейчас тоже изворачивается, а уйти из тундры не может... тундра держит... собака! А если бы зверь попался?.. Подошёл бы к капкану и пристрелил беднягу? Вот так – расстрелял бы несчастного, привязанного этими челюстями зверя?.. Нет? Тогда зачем он ставил этот капкан?.. Зачем?

– Себе ты ставил капкан! – сказал кто-то рядом громко и отчётливо.

Ромка вздрогнул, остановился, озирился вокруг слепо и глупо, ружьё стащил в момент,

стволы заходили по сторонам так же слепо и глупо. Вокруг было пусто. Темно. Холодно.

Ромка, дрожа, достал фляжку, отпил приличный глоток... «Кажется, раньше положенного? Ну ничего, раньше. Пусть будет раньше. Кто сказал-то? Кто? – Ромка оборачивался, всматривался в темень. – Никого. Самое страшное – когда никого, а кто-то, кажется, есть! Коньяка? Не много ли? Вперёд! Идём! Не сдаваться! Это такая проверка! Просто проверка, как в армии. Если будешь сопротивляться – не сдохнешь!»

«Когда же утро? Где рассвет? Если бы вдруг тучи стянуло в сторону и показались звёзды?...» Ромка бы не увидел их, это уже проверено. «Может, луну? Луну бы увидел... Но как по ней выйти в город? Она ведь, как и солнце, идёт южной стороной... Интересно, а если глаза закрыть? Что-то меняется? Может, ещё коньяку?» Ромка ещё никогда не пил так много за одну ночь, он никогда вообще не пил много. Боже мой, у него же дома родители. «Вот интересно, там что? Объявили поиски? Где, в каком направлении?» Он никогда не говорил, в какую сторону ходит охотиться. Он никогда вообще не говорил на эту тему, как-то всё было чисто и гладко всегда.

К трём часам ночи Ромка впервые почувствовал, что ноги устали и передвигаются не так, как обычно. Чтобы шагнуть, надо было сделать усилие. «Наверное, это и есть – еле-еле ноги волочить. Кто это сказал? Джек Лондон? Нет. Это никто не сказал, это так... поговорка», – Ромка вспомнил, как нарочито небрежно после охоты отвечал матери или отцу на вопрос: «Что убил?...» – «Ноги». Вот сейчас он действительно убил ноги. Как же идти тяжело. Может, сесть и отдохнуть? А как станет засыпать? А как заснёт? А как... Когда человек замерзает, то перед гибелью ему становится на самом лютном морозе ужасно жарко. Человек начинает стягивать с себя одежду, всю... Ужасный обман организма... Человек замерзает от холода и раздевается до гола. Смешно и горько... Сколько таких историй Ромка уже слышал... Пришёл его черёд? «Что за слова – «пришёл черёд»? Что ж ты болтаешь? Или это не я?... Тогда кто? Опять кто-то рядом идёт? Надо выпить коньяку».

Ромка стянул с себя рюкзак, достал фляжку, отпил пару глотков, доел весь шоколад горький. Постоял, тупо смотря себе под ноги и не видя даже своих лыж, а лишь одно мутное серое пятно... А вообще – он ещё жив? Может, это уже то, что материалисты называют «последний всплеск

работы головного мозга»? А он кто? Материалист? Нет, конечно, он же в церковь с отцом ходил. «А может, надо богу помолиться? А как? Как молиться богу?» Ромка встряхнулся, набрал в лёгкие воздуха и изо всех сил громко заорал... Просто заорал. Без слов. Тундра проглотила этот вопль. Снег не отразился эхом, воздух морозный не раскрошился отголосками, тяжёлые, чёрные, низкие тучи сожрали звук сверху, и тундра вновь впала в безмолвие. Крикнул – словно голову в аквариум опустил:

– Зачем? Я? Купил? Капкан?..

К утру мороз окреп. Иней на ресницах стал мохнатым. Ромка определил температуру – минус тридцать. Он ошибался – в воздухе уже было минус тридцать восемь. Очень простая климатическая арифметика: днём – двадцать, ночью – сорок.

– Я дойду до города, – сказал он вслух громко и отчётливо, даже удивившись, что сил для этого вполне достаточно, – я дойду до города в любом случае. Надо просто разобраться – куда идти. Стоп.

Ромка остановился. От неожиданности для себя чуть не упал лицом вниз. Но удержался, покачался немного и устоял.

– Стоп, – повторил он, чувствуя, что стоять ещё труднее, чем идти: ноги стали тут же предательски дрожать, в коленках как-то неуправляемо подгибалось. – Где бы я ни находился, – проговорил он громко, – в любом случае – в одной стороне у меня город... в другой стороне, на восток... у меня шахта... шахта – место небольшое, но...

Мозг как иглой пронзило – он совсем забыл, что на шахту идёт железная дорога! И дорога эта пересекает очень большую площадь тундры. Значит, он идёт до сих пор параллельно и городу, и шахте?.. Глупо как.

Ромка вновь повернулся... ровно на девяносто градусов. Лыжи переставил под прямым углом и, глянув вперёд, да ничего не углядев, пошёл... Теперь он точно выйдет, теперь он выйдет. «Если на город повернул – вначале будет подъём, потом будет россыпь света, россыпь света... А если на шахту? Тогда выйду на железную дорогу... Так. Но там ведь сегодня, в наше дурацкое демократическое время, когда всё закрывается, поезда ходят один раз в неделю!! А ничего. По дороге я выйду на шахту».

Очень бодро, словно сил прибавилось, Ромка пошёл вперёд. Уверенно, словно видел перед

86

собой ориентир. По дороге, не останавливаясь, вновь залез в рюкзак, вновь приложился к фляжке... приложился так, что допил весь коньяк до конца. Вначале здорово подогрело и дало силы, даже спать расхотелось, даже иней на ресницах не мешал моргать глазами... даже... даже... Он шёл и никого рядом с собой не видел, никого не слышал. Это Ромка расценил как некоторое выздоровление. От чего? От страха. Он и слова такого особенно в жизни своей не употреблял. Неужели состояние полной слепоты может так разрушать сознание, что человек начинает испытывать страх... Если бы не коньяк, так кто его знает... Алкоголь – штука плохая, но иногда держит неплохо.

Зачем он купил капкан?..

«Нет. Не так... Что ты заладил? Купил да купил! С чего ты решил, что можешь издеваться над животным, лова его в капкан?.. Кто тебе право дал, кто разрешил, а? Ты – высокоорганизованная материя!.. Захотелось ощущений за счёт страданий животного? Вот и поделом. Господи...» Ромка даже шаг сбавил от неожиданности мысли: а что, если это всё – наказание? Он же сам говорил, что в церковь ходил, что не материалист, значит... Ромка задрал глупую мордашку вверх и громко крикнул в тучи:

– Я всё понял! Я всё понял!! Отпусти?! Отпусти домой?..

Неизвестно каким образом, но Ромка услышал каждое своё слово, крикнутое в небо. Потом криво усмехнулся, погрозил туда же пальцем и сказал:

– А-а... я понял... я не сдамся... нет.

Твердя эту мысль, повторяя каждое слово как заклинание, он побрёл дальше. Мысль эта – не сдаваться ни при каких обстоятельствах – вначале помогала идти, потом стала надоедать и сидеть в его голове гвоздём, это выматывало нервы, вместе с нервами выматывало силы. Иногда он поднимал голову и слепо всматривался вдаль... глупо так... как щенок слепой... больше на запах ориентируясь... Вдруг ему показалось, что стало вокруг как будто светлее. Ромка обрадованно подтянул руку к глазам – шесть утра, до рассвета ещё три часа. Он сплюнул, сказал матерно, потом вновь сказал матерно, потом ещё... так шёл и матерился себе под нос. Хорошо, если у него выходил километр в час, хорошо, если этот километр был в верном направлении, хорошо, если пролегал по более-менее ровной местности, где не приходилось подни-

мать ноги на барханах снега, где ещё не улёгся хороший наст.

Он вспоминал, что у него осталось в рюкзаке из съестного? Может, бутерброд ещё? А разве он его не съел? Может, посмотреть? Но посмотреть – это же остановиться, снять рюкзак, расшнуровать его, залезть в него рукой... «Что я говорю? Нет сил останавливаться, нет сил снимать рюкзак, вот и всё». Да и потом – есть он не хочет, это всё обман... действие алкоголя... калорий у него достаточно, просто мышцы сдохли... просто судорога начинает уже хватать за икры и бёдра... просто человек не машина, живёт тогда, когда есть возможность отдохнуть... просто жизнь закончилась. Вот именно так ему на роду написано закончить жизнь. Сдохнуть в тундре, куда он ходил, чтобы закалить себя, чтобы стать сильным, чтобы доказать себе да и всем окружающим, что может... А что он может? «На зверей капканы ставить? Стрелять в них? Урод». Здесь его вдруг охватил истерический смех. Ромка вспомнил, как уроды-генералы, выходя на охоту на кабана в лесу, берут с собой профессионального снайпера, чтобы тот, в случае чего, застрелил кабана, когда генерал промахнётся и зверь бросится на него. «Вот же уроды?! А ещё с вертолётов, да?.. А ещё... ещё эти... – сразу выбросила память телевизионную картинку... – которые в Африке охотятся на львов и буйволов... штопаные из нуворишей-миллионеров... тоже с прикрытием, а потом хвастают здесь, в России: «Я вот застрелил в Африке»... Ох, Господи!!!!»

Ромка вскинул лицо в небо:

– Господи!! А их почему не учишь? Их – почему?! Они же уроды ещё больше?..

Он шёл и шёл, уже не зная, зачем идёт дальше, не всё ли равно где, в какой точке этого бескрайнего снега сдохнуть? Но он шёл, шёл, потом вновь смотрел на небо, говорил тихо:

– Капканы ставить не буду, даже убивать не буду, даже куропаток, а в тундру ходить буду... буду, буду, буду! Просто буду ходить, смотреть... Не возьмёшь!

«Родителям-то за что всё это? – вновь сдавалось сознание. – Родителям за что? Им ещё хуже, чем мне. Мне-то что – ну сдох... сдох... Как сдох?.. Говорят, когда человек замерзает на снегу и его зимой не находят, то песцы обязательно обгрызут ему лицо. Это Олег Куваев описывал в романе... как роман называется? Не помню. Там был герой Васька? Нет? Не Васька? Его задавило стадо оленей, его нашли

87

и кто-то сказал: «Хорошо, что песцы не успели обгрызть лицо...»

Интересно, девушки, когда носят песцовые воротники, знают, что хозяин их жрёт падаль? Лица погибшим людям обгрызает?.. Так вот, когда человек замерзает зимой и его не находят сразу, а находят весной или летом... он лежит на высоком снежном грибе... потому что под человеком снег не тает почти. Вокруг тает, а под ним не тает, вот и получается – в открытой тундре летом стоит столб снега метра полтора-два высотой, а на нём человек... И ещё, если лица нет, песцы постарались... твари... тогда совсем». За чем он купил капкан?..

В магазине охотсоюза продавались сигнальные патроны, подобие салюта, сигнальных ракет. Почему тогда не купил? Денег пожалел? Думал, что не пригодятся? А интересно – пригодились бы сейчас? К примеру, у него были бы сигнальные патроны? Ну выстрелил бы? Ну увидел бы кто? Откуда увидел? Он, похоже, в балке ходит, в низине. Ну выскочит из-за горизонта огонёк на секунду-другую, кто в городе заметит? А если и заметит, то... Ромка бы что подумал? «Какие-то ребята развлекаются, чудят». Людей ищут через три дня. Через три дня. «Тебя никто не ищет. Ох и дурачье люди! Искать надо, пока жив, а не когда сдох! Или вы думаете: если человек ушёл в тундру и не вернулся в назначенное время, так он остался там с бабами погулять?»

Ромка упал. Упал и не поднялся, даже попытки не сделал. Лежал, дышал тяжело и только и пытался контролировать себя, свой воспалённый мозг, чтобы не уснуть. Дыхание било в снег, и снег этот стал сразу оседать вниз, кристаллизоваться и таять на глазах. Ромка хрипнул горлом, согнул руку в локте и упёрся ею в снег, только здесь почувствовал, что пальцы у него холодные: «Рукавицы не греют? Странно». Он, кряхтя, поднялся на колени, вытащил ладонь, пожимал её сильнее, потом засунул в рукавицу и стал что есть силы бить обеими ладонками о колени. Так разогревали руки все старатели на Аляске. Так он читал у Джека Лондона. А если тот сам не знал, что писал? Но руки скоро стали немного отходить. Ромка поднялся на ноги и, сжимая ладони с силой, что осталась, пошёл дальше. Потом быстро снял обе рукавицы, как следует дунул туда дважды, надел – чуть теплее. Кожаные рукавицы держали его дыхание, но недолго. Вновь стал сжимать и разжимать пальцы. Вновь показалось, что стало светлеть. Посмотрел на часы – стёклышко

запотело, циферблат видно было плохо, Ромка заглянул сбоку – что-то около восьми утра... «Значит, скоро день! Скоро рассвет! Боже мой, неужели будет свет в этой тундре?» А что ему свет, если зрения нет? Свет – это жизнь. Когда будет светло, он обязательно найдёт выход. А он сможет идти тогда? Может, уже ноги откажут? Нет! Как только свет появится, он сможет идти даже быстрее. Ромка уже верил в это истово.

Когда небо обложено тучами, когда зимой солнце появляется лишь за горизонтом, когда лучи его попадают на землю только отражаясь от небесного свода, тогда и свет приходит так незаметно, что видишь его, лишь когда очертания предметов вокруг вырисовываются перед тобой или горизонт сам по себе выплывает далеко впереди бело-серой ниткой, границей между небом и землёй.

Ромка этого видеть не мог. Просто к девяти утра он едва заметил желтизну своих лыж... Глаза миглом устремились вперёд. Но там была серая мгла. Рано. Он посмотрел на часы, сбоку, так, словно мог заглянуть под запотевший циферблат... Что-то там около девяти?

Рассвет наступил. Ночь закончилась. Но свет пришёл ненадолго. На какие-то пару часов, не больше. Ну на три. Потом опять будет ночь с двенадцати дня до девяти утра.

Ромка стал вглядываться вперёд, давить на глаза, жмуриться изо всех сил. Иногда на какое-то мгновение было хоть что-то видно... Но сейчас ничего не получалось. Глаза слипались. Ромка хотел повернуться вновь в какую-нибудь сторону и попробовать счастья в другой стороне. Но повернуться сил не было. Перед ним была открытая тундра, в ней едва уловимой полоской темнело... темнели... а что там может темнеть? Вереница кустов? Ручей замёрзший? Тальник? Ручей может его вывести... куда? «К речке. Возле шахты течёт небольшая речка Юн-Яха. Тогда надо идти к ручью. А если это не ручей? Сил нет проверять. Спать хочется, так спать хочется, так в тепло хочется... Сейчас бы упасть на снег, хоть на десять минут, хоть на пять, хоть на минуту. Просто полежать минуту». Ромка читал, что йоги в позе трупа могут отдыхать десять минут и этот сон будет равен восьми часам обычного сна... Он так не сможет, в позе трупа он рискует заснуть навсегда. «Неужели умираю? Зачем я купил капкан?..»

Ромка стоял перед выбором: «Сесть и отдохнуть... как отдохнуть?.. Заснуть?.. Или идти?

Куда идти? Глаза слипаются... боже, я сплю на ходу. – Ромка зачерпнул рукавицей снега и протёр лицо... – Боже, боже, помоги, не забирай меня к себе или куда там мне определено? Куда?»

Снег таял на лице. Снег немного ободрил. Ромка вынул руку из рукавицы и протёр ладонью лицо.

– Боже, боже, не покидай меня. – прошептал он. – Боже...

Вдруг в мозг вошла стальная, холодная игла, вошла так, что в любой другой раз Ромка просто бы заорал от боли, но не сейчас. Сейчас он увидел то, что так сильно просил, так желал... Крошечная, незаметная капелька снежной воды, стоявшая на ресницах под его рукой, сыграла роль линзы... Это было мгновение... вспышка, взрыв в сознании... И Ромка увидел всё вокруг на этот миг! Он увидел перед собой огромное поле снега, бескрайнее поле снега, никакого города, никакой шахты, ничего, ничего... только серая полоса железнодорожной насыпи!.. Это были не кусты, это была железная дорога с шахты. Ромка взвыл на все окрестности и побежал на лыжах вперёд. Капелька воды давно исчезла, вновь была вокруг одна муть. Но сознание цепко держало картинку насыпи. Каких-то сто метров? Ромка пробежал их в двадцать секунд. Перед насыпью он упал. Упал, потому что насыпь была крутая, подняться на лыжах не смог, сбросил лыжи, стал карабкаться наверх, выбрасывая ещё не припорошенные куски щебня из-под себя...

А вот и они! Вот – две стальные полосы рельсов, уходящие вдаль в обе стороны. Куда? Никуда. Ромка упал на рельсы, пытаясь обхватить их руками, лицо его уткнулось в шпалы, пахнувшие

креозотом даже на лютном морозе, из глаз стали сами капать слёзы. Слёзы падали на шпалы, и там сразу темнело влагой, потом сразу леденело на холоде, потом опять темнело и опять... Ромка не понимал, что с ним происходит. Он даже забыл в этот миг, что поезда здесь ходят раз в неделю. «Конечно, поезда ходили чаще, но даже если один раз в день, то когда? Успеют? Даже если не успеют, никуда не уйду, никуда отсюда не уйду! Пойду по шпалам... пойду... сейчас пойду...»

Ромка лежал на шпалах между рельсами и ревел уже в голос, рыдания рвались наружу, и вся окрестная тундра внимала ему. Занимался день, просыпалась в тундре жизнь, которую Ромка хотел отнимать. Он даже не помнил, как уснул... Он не мог спать, он просто терял сознание и в бесконечном сне слышал только одно: рельсы начали часто, быстро стучать. «Так стучит только небольшая дрезина или мотовоз, что возит рабочих железнодорожников... Так стучит спасение, так стучит, так поёт сама жизнь. А вот и ангелы... Сколько их, двое?» Ромка не видел лиц, он видел лишь замерший перед ним оранжевый тупомордый мотовоз. Мутный, большой, потому что остановился мотовоз в двух метрах от него. «В двух метрах!.. Потому и вижу. Значит, люди, рядом...» Чей-то голос крикнул:

89

– Живой? Хватай его!.. Под ноги давай. Может, успеем...

«Это не видение, – мелькнуло у Ромки в смыкавшемся сознании, – это люди... люди... маслом пахнет машинным кто-то... запах какой приятный!.. Зачем я купил капкан?.. Чтоб ты сдох... капкан!»

2014 г., Салехард

